

DOI: 10.31857/S013038640022417-6

© 2022 г. В.С. МИРЗЕХАНОВ, Л.В. ЛАННИК

**БАКИНСКИЙ КРИЗИС В ИСТОРИИ БАТУМСКОЙ ПОДСИСТЕМЫ:
КУЛЬМИНАЦИЯ НЕУДАВШИХСЯ ИМПЕРСКИХ ПРОЕКТОВ,
АВГУСТ–СЕНТЯБРЬ 1918 года**

Мирзеханов Велихан Салманханович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Ланник Леонтий Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, Московский государственный институт международных отношений МИД России (Москва, Россия).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

Статья подготовлена в рамках Консорциума ИВИ РАН и МГИМО МИД России «Глобальная история: региональные и национальные составляющие».

Аннотация. Быстро развивавшаяся Батумская подсистема в августе–сентябре 1918 г. вступила в стадию открытого столкновения имперских претендентов на гегемонию в макрорегионе. Масштабы и значение военных действий приобрели новое измерение, ведь решался вопрос о контроле над крупнейшим нефтеносным районом, а также просматривались широкие перспективы дальнейшей экспансии Центральных держав на Среднем Востоке и в Центральной Азии. От исхода боев за Баку зависело не только снабжение топливом нескольких великих держав, но и баланс сил на османских фронтах Первой мировой войны, а также судьба целого ряда государственных проектов, положенных в основу переустройства южной периферии бывшей Российской империи. Военно-политические возможности Германии, Советской России, Британской и Османской империй значительно осложнялись серией конфликтов между силами, действующими в регионе, а также рядом инфраструктурных и технических трудностей. Это отложило реализацию имперских проектов, стало катализатором острого кризиса на других фронтах Первой мировой и Гражданской войн. Поступательный процесс оформления германской гегемонии и включения Батумской подсистемы в более масштабную структуру Брестской системы был приостановлен до перехода Первой мировой войны в стадию крушения Центральных держав. Битва за Баку обозначила не только потенциал, но и пределы возможных межимперских компромиссов. Сложность дипломатического противостояния вокруг трансформации Закавказья зачастую недооценивается при рассмотрении его на локальном уровне, однако обращение к архивным источникам и мемуаристике, в том числе неопубликованной, позволяет встроить многие региональные конфликты в глобальный имперский контекст, обнаружить закономерности в развитии военно-политической обстановки далеко за пределами рассматриваемого макрорегиона.

Ключевые слова: международные отношения, международные системы, межимперская конкуренция, распад империй, Первая мировая война, Гражданская война в СССР, Османская империя, Грузия, Армения, Азербайджан.

V.S. Mirzekhanov, L.V. Lannik

The Baku Crisis in the History of the Batum Subsystem: The Culmination of the Failed Imperial Projects, August–September 1918

Velikhan Mirzekhanov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia).

E-mail: lum62@yandex.ru

Scopus Author ID: 57202778122; ORCID: 0000-0003-0660-6508; Researcher ID: J-1238-2018

Leontiy Lannik, Institute of World History, Russian Academy of Sciences, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Moscow, Russia).

E-mail: leo-lannik@yandex.ru

Scopus Author ID: 57211606261; ORCID: 0000-0003-4313-5557; Researcher ID: ABD-9832-2020

The article is prepared as part of the IWI RAS and MGIMO MFA Consortium “Global History: Regional and National Components”.

Abstract. The rapidly developing Batum sub-system entered the phase of an open clash of imperial contenders for hegemony in the macro-region in August–September 1918. The scale and significance of the military operations took on a new dimension, with the issue of control over the largest oil-producing area at stake, and with broad prospects for further expansion by the Central Powers in the Middle East and Central Asia. Not only the supply of fuel to several great powers, but also the balance of power on the Ottoman fronts of the Great War as well as the fate of a number of state projects underpinning the reorganisation of the southern periphery of the former Russian Empire depended on the outcome of the struggle for Baku. The military and political capabilities of Germany, Soviet Russia, the British and Ottoman Empires were greatly hampered by a number of conflicts between forces operating in the region, as well as by a number of infrastructural and technical difficulties. This delayed the realisation of the imperial projects and was a catalyst for an acute crisis on other fronts in the Great War and the Russian Civil War. The gradual process of shaping German hegemony and incorporating the Batum sub-system into the wider structure of the Brest System was halted before the World War I had entered the stage of collapse of the Central Powers. The battle for Baku marked not only the potential for, but also the limits of possible inter-imperial compromises. The complexity of the diplomatic confrontation around the transformation of the Transcaucasus is often underestimated when viewed at a local level, but reference to archival sources and memoirs, including unpublished ones, enables many regional conflicts to be embedded in a global imperial context and reveals patterns in the military and political situation far beyond the macro-region in question.

Keywords: international relations, international systems, inter-imperial competition, collapse of empires, World War I, Civil War in the USSR, Ottoman Empire, Georgia, Armenia, Azerbaijan.

В последние дни июля 1918 г. в развитии Батумской подсистемы¹ началась новая и давно назревавшая фаза прямого межимперского столкновения. Шедшие до этого более месяца бои между Исламской армией и войсками Бакинской коммуны теперь трансформировались в еще один фронт открытого противостояния армий Антанты и Центральных держав, хотя состав воюющих в Азербайджане сторон изменился незначительно. Наиболее заметным – и крайне невыгодным для защитников Баку – отличием от прежнего этапа противостояния стал отказ от участия в боях пробольшевиетских сил. Он явно планировался как тактическая пауза в схватке между бывшими союзниками по Бакинской коммуне, однако наглядно иллюстрировал критически важную неудачу Советской России в усилиях по закреплению контроля над нефтепромыслами и обеспечению дальнейших

¹ См. подробнее: *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 5–22; *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5–28.

поставок топлива через Астрахань. Давно ожидавшееся прибытие англо-индийских войск генерала Л. Данстервиля в Баку носило откровенно символический характер, их появление нуждалось в подтверждении успехами на поле боя.

Детали британского вмешательства в схватку за нефтепромыслы далеко не сразу стали известны германской миссии в Тифлисе. Ее глава, генерал-майор Ф. Кресс фон Крессенштейн, быстро оценил перспективу взятия Баку войсками Нури-паши, ведь их стремление к этому можно было предполагать, несмотря на прямой запрет из Константинополя и старательно распространяемую дезинформацию с османской стороны. В отчете от 5 августа (написанном одновременно со штурмом Баку, но пока без сведений об этом) Кресс расценивал возможное овладение городом турецко-азербайджанскими войсками как решающее в проведении Портой своей политики на Северном Кавказе, в частности прорыв к грозненской нефти, что подрывало некоторые из назревавших у германских инстанций планы по закреплению этого региона в сфере влияния Кайзеррейха². Почти сразу после отправки этого предупреждения в Берлин пришли известия о болезненном поражении Нури-паши, столь внезапные, что находившийся с визитом в Тифлисе Халил-паша не смог скрыть реакцию³. Хотя опасения полного краха протурецких сил оказались несколько преувеличенными, именно с 5 августа начался новый этап в истории Батумской подсистемы: когда ее инициатор, претендовавший на гегемонию на всем ее пространстве, был вынужден признать, что реализовать свои цели даже на региональном уровне и даже урезав былые притязания ради сферы влияния Кайзеррейха без прямой германской помощи не сможет. Поэтому перед не отказавшимися от пантуранских амбиций младотурецкими лидерами⁴ возникала крайне сложная задача: достижения самой насущной оперативной цели – взятия Баку – за счет использования ресурсов Германии, а может быть, и ее войск, однако вопреки ее указаниям и так, чтобы не допустить установления германского контроля над нефтепромыслами и над Азербайджаном в целом. Именно таким сочетанием тенденций определялись динамика и состоятельность Батумской подсистемы в центральный период ее существования – вплоть до частичной реализации задач, поставленных Энвером-пашой и его соратниками.

Выяснение масштабов неудачи Нури-паши 4–5 августа и парирование импульсов к добровольному снятию осады Баку заняло несколько дней. Последовала серия новых мер поддержки Исламской армии, куда выехал лично командующий группой армий «Восток» Халил-паша. Оформили и вынужденное согласие Порты на более плотный германский контроль за кампанией под Баку. Благодаря умелому саботажу и неразвитым каналам информации последнее вновь оказалось фикцией, однако на этот раз иллюзии лояльного выполнения турками обязательств по строгому согласованию с Крессом боевых действий под Баку сохранялись значительно дольше. Чтобы предотвратить новый конфликт между Э. Людендорфом и Энвером, в Спа выехал начальник штаба османской Ставки Г. фон Сект, которому удалось быстро (11–12 августа) убедить главу Верховного командования сухопутных сил (Oberste Heeresleitung, ОХЛ) в важности компромиссной

² См. текст аналитической записки: Friedrich Freiherr Kress von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebücher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020. S. 651–652.

³ Массу деталей о субъективных факторах принятия и реализации важнейших решений в высших османских штабах, особенно во время боев за Баку в августе–сентябре 1918 г., сообщал начальник штаба группы армий Халила-паши Э. Паракен в пока не опубликованных мемуарах: *Paraquin E.* Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.]. Bl. 150ff.

⁴ См. подробнее: *Jäschke G.* Der Turanismus der Jungtürken. Zur osmanischen Außenpolitik im Weltkrieg // *Die Welt des Islams.* 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54. Пантуранизм не исключал и значительно более интересовавшего германских агентов влияния панисламизма: *Kreutzer M.S.* Dschihad für den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012; *Will A.* Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.

позиции⁵. Это было вызвано в основном тем, что с 8 августа началось быстрое ухудшение общего положения на Западном фронте, так что давление Ставки по всем проблемам восточной политики не прекратилось, но ослабло, сменившись минимальным контролем за действиями главы министерства иностранных дел (Auswärtiges Amt, AA) П. фон Хинтце, Секта и Кресса.

Поражение Исламской армии по итогам импровизированного штурма Баку 4–5 августа имело важнейшие последствия в силу его восприятия, а не реального значения для динамики сил, ведущих схватку за контроль над нефтепромыслами. Неожиданная победа пестрой коалиции защитников города нанесла серьезный удар по нестойкому боевому духу войск Нури-паши, а также продлила существование обреченной с момента своего формирования диктатуры Центрокаспия по меньшей мере на месяц, но общую логику Бакинской кампании это несколько не изменило. Значительно важнее были последовавшие крупные перемены в структуре германо-османского взаимодействия в макрорегионе, причем ощущение нехватки сил даже у Кайзеррейха привело к заведомо утопическим, но крайне показательным попыткам привлечь к демонстрации силы в регионе и Австро-Венгрию, но на второстепенном армянском направлении.

Победа пробританских сил в боях под Баку оказалась роковой для судьбы пришедшей к власти 29–31 июля коалиции сил. Она отрицательно сказалась на попытках любой ценой нарастить контингент сил Данстервиля на нефтепромыслах, хотя организационно-технические условия к этому уже были⁶. Максимум британских войск в городе был достигнут уже к 4–5 августа, а после победы почти не наращивался. Это же заставило большевиков, шокированных потерей контроля над городом, пытаться вернуть себе власть. Они рассчитывали на неизбежную дискредитацию британских «спасителей», а то и на неприятие дашнакского владычества азербайджанским и русским населением, которые были готовы подогреть бакинские комиссары, хотя многие из них были армянами. В первую неделю августа положение Советской России в Поволжье стало критическим как никогда, но в Баку об этом долго не знали (как и в Москве – о деталях обстановки на нефтепромыслах)⁷, так что по-прежнему рассчитывали на активную военную помощь и снабжение продовольствием. С учетом гуманитарной обстановки в городе это было жизненно важно и Центрокаспию, который поэтому был готов продолжить отпавку нефти в Астрахань, если бы сохранялось советское военное содействие и поставки. Но это было категорически отвергнуто Москвой, опасавшейся обвинений Германии в прямом сотрудничестве с Антантой, ведь возникшие еще в марте 1918 г. подозрения, что интервенция проходит в различных регионах «по соглашению»⁸, стали нарастать. В действительности новый акт интервенции в первые дни августа в Архангельске резко обострил отношения Совнаркома и стран Согласия. Председатель Бакинского СНК С. Шаумян и его соратники, не имевшие должной информации об общей стратегической обстановке, но действовавшие по ситуации в пределах региона, недооценивали остроту конфликта с «союзниками» и с трудом угадывали текущую позицию Ленина по данному вопросу. Бакинские большевики рассчитывали, что и без прибытия новых

⁵ Детали этого визита описаны не слишком подробно в его биографии, однако были обнаружены в дипломатических архивах: *Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben.* (Bd. 2). Leipzig, 1940. S. 40–41, 84; *Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen” – Größenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // *JfGO.* 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

⁶ Оригинал дневников Данстервиля (в отличие от мемуаров) дает об этом некоторое представление: *The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922* // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_main.html (дата обращения: 01.06.2022).

⁷ Решающие известия приходили через Царицын с большим опозданием, так что о событиях 25–31 июля узнали 7 августа, а о 4–5 августа – не ранее 17 августа. См.: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957. С. 612–626.

⁸ См., например, о высадке в Мурманске: *Сергеев Е.Ю.* Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019. С. 59–62.

военных отрядов и вооружения из Астрахани им удастся укрепить силы сторонников коммуны настолько, что вскоре будет проведен контрпереворот, с которым немногочисленный британский контингент справиться не сможет. Союзный англичанам Л.Ф. Бичерахов едва ли пользовался поддержкой местного населения, ассоциируясь с терским казачеством и реставрацией царизма⁹.

В середине августа проявилось отложенное воздействие на планы сторон в Закавказье решений, принимаемых в Берлине и Москве. Парафированный еще 10 августа Добавочный договор между РСФСР и Германией, но без участия союзников последней, пытались скорректировать в Кремле, торгуясь еще более двух недель¹⁰. За это время в Совнарком получили более точные сведения о событиях и расстановке сил в Баку и убедились в необходимости прямого сотрудничества с Германией против Антанты не только на Русском Севере или против считавшейся проантантовской Добровольческой армии на Кубани, но и в Баку, чтобы его отвоевать. При формально антибританской цели не менее важной составляющей такого взаимодействия были гарантии от наступления турок. Казалось, только теперь сложилась оптимальная для гегемона Брестской системы ситуация, когда он мог по своему усмотрению выстроить взаимодействие и баланс сил между имперскими партнерами, контролируя их амбиции, чтобы затем распределить плоды победы над войсками враждебной великой державы.

Начало имплементации нового договора относительно Закавказья было связано с конкретными требованиями об отводе Исламской армии, так что германские военные и дипломаты в Константинополе вынуждены были сообщить Энверу-паше и великому визирию Талаату хотя бы некоторые детали будущей сделки с большевиками, заключенной фактически за спиной союзников по Четверному альянсу. К этому в Берлине приступили лишь 22 августа после крайне непростого торга с полпредом РСФСР в Германии А.А. Иоффе и наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным 19–21 августа, когда подписание стало необратимым, ведь о нем сообщили и лидерам обеих палат германского парламента, а советскому полпреду было передано из Совнаркома указание подписать договор. 23–26 августа османские элиты были извещены о подробностях будущего устройства Закавказья на основе учета не только германских, но и советских интересов, что шокировало Талаата, надеявшегося не допустить ратификации договора, даже если он будет подписан. Для этого он собрался выехать через Вену в Берлин под формальным предлогом¹¹. Австро-Венгрия неизменно была готова выступить посредником между Портой и Кайзеррейхом, справедливо ожидая от этого выгод с обеих сторон. Ее руководство не вполне одобряло сепаратную сделку старшего партнера с большевиками, считавшимися по-прежнему обреченными на свержение в ближайшее время¹². Суть предложений главы габсбургского МИД графа И. фон Буриана сводилась к признанию за османами

⁹ Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917–1919. М., 2011.

¹⁰ До сих пор опубликованы лишь некоторые документы и детали этого сложного процесса. См.: Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. док. / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022. С. 509–532; Baumgart W. Die "geschäftliche Behandlung" des Berliner Ergänzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch für den Kreis Herford. Bd. 89 (1969). S. 116–152.

¹¹ Детали подготовки этого визита и меры по смягчению внутрикоалиционного конфликта подробно документированы, однако соответствующая подборка до сих пор не издана: Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (далее – РА АА). RZ 201/11057–11059.

¹² В этом была повинна нехватка информации из Москвы, ведь представительство Австро-Венгрии в РСФСР оставалось крайне ограниченным: Horčíčka V. Die österreichisch-ungarische Politik gegenüber Sowjetrußland im Sommer und Herbst 1918. Die Mission des Generalkonsuls Georg de Pottere in Moskau // Österreichische Osthefte. 2004. Hf. 4. S. 485–514.

недавно аннексированных трех санджаков (при оговорках насчет порто-франко в Батуме)¹³, к возможным торгам между «брестским» и «батумским» вариантами восточной турецкой границы и к закреплению в османской сфере влияния Азербайджана (в том числе персидского), но без Баку. Такой вариант был бы приемлем для Энвера и тем более Нури-паши только в случае полного поражения в боях с Центрокаспием, а на это, как справедливо полагали младотурки, Германия едва ли согласилась бы. Ценой были бы дестабилизация и укрепление британского влияния и на другие этнические группировки по обе стороны Кавказского хребта.

Москва, Берлин и Константинополь — при отчаянных попытках Кресса в Тифлисе, Хопмана в Севастополе и других германских эмиссаров на местах разобраться в обстановке в столицах — последовательно обманывали друг друга, скрывая слабости и провалы и пытаясь использовать содействие партнера исключительно в своих целях под маской компромисса. В АА утверждали, что якобы последовательно информировали авторитетного османского посла в Берлине о ходе переговоров с Иоффе, но 29 июля посол Османской империи в Германии Ибрагим Хакки-паша умер, так что сведения могли не дойти до великого визиря и по этой причине. Османский генералитет последовательно отрицал подготовку к штурму Баку, пользуясь задержкой в связи и отсутствием конкретных указаний и у Кресса, и у германских офицеров в штабах Исламской армии. Большевики скрывали факт полной утраты контроля над Баку, арест комиссаров и прекращение поставок нефти. В конце августа скрываемые факты стали известны, однако информации, важнейшей для оценки реальных возможностей британцев и их потенциальных союзников, ни в одной из столиц не было, хотя соответствующие усилия предпринимались крайне настойчиво¹⁴. В еще более сложном положении находился Данстервиль: местные большевики были — что затем отразилось в мифе о бакинских комиссарах¹⁵ — неуступчивы и прямо сотрудничать с британцами отказывались. Прекрасно зная хрупкость своих позиций, Данстервиль мог надеяться лишь на продление непонятной ему паузы в активности Исламской армии и смутно подозревать, что вскоре его может выручить наступление Антанты на других театрах военных действий. Однако, хотя оно уже действительно началось, но пока лишь во Франции, эффект от этого (даже чисто информативный) сказался с многонедельным запозданием.

Заключение Добавочного договора и обмен тайными нотами к нему 27 августа, где вопрос о судьбе Баку был одним из важнейших, означали переход к новому этапу развития Брестской системы, характеризовавшемуся наиболее близким и комплексным сотрудничеством главных ее держав — Германской империи и Советской России. Это должно было вызвать кризисы в их отношениях с союзниками, что глава германской дипломатии П. фон Хинтце принимал в расчет¹⁶. Разрешение серии конфликтов с недовольными сделкой младшими партнерами являлось неотъемлемой частью процесса консолидации системы на основе вновь согласованных базовых ее параметров. Участь Батумских договоров — даже без

¹³ См. детали: *Маилян Б.В.* Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918—1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129—161; *Мирзеханов В.С., Ланник Л.В.* Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь—август 1918 г. С. 5—28.

¹⁴ См. подробнее: РА АА. RZ 201/11055/143-244. Огромную роль в обработке информации из самых разных источников играл лишь недавно удостоившийся специального исследования центр сбора и экспертной оценки: *Krug S.* Die “Nachrichtenstelle für den Orient” im Kontext globaler Verflechtungen (1914—1921). Strukturen — Akteure — Diskurse. Bielefeld, 2020.

¹⁵ Его каноническая версия оформилась еще при Сталине: *Токаржевский Е.А.* Бакинские большевики — организаторы борьбы против турецко-германских и английских интервентов в Азербайджане в 1918 г. Баку, 1949.

¹⁶ До сих пор есть лишь биографический очерк к масштабной публикации его документов, подчеркивающий значение этого деятеля в истории вильгельмовской Германии. См.: *Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903—1918 /* Eingl. und Hrsg. von J. Hürter. München, 1998. S. 17—120.

учета тайных нот, о которых всем, кроме держав-подписантов, оставалось только подозревать¹⁷, — на этом была решена. Вне зависимости от дальнейшего откладывания Константинопольской конференции необходимый компромисс между Москвой и Берлином насчет Закавказья был, как тогда казалось, уже достигнут, так что наступала стадия принуждения к его условиям Османской империи и всех сторон, действующих в регионе. Сознвая это, в Берлин в начале сентября выехал лично великий визирь, намереваясь сорвать хотя бы ратификацию. Именно поэтому он в решающий и роковой момент кампании провел вдали от родины несколько недель, хотя его миссия была обречена изначально, ведь Добавочный договор был ратифицирован с невиданной быстротой (в течение 7–10 дней).

Приемлемое для османской стороны «редактирование» Батумской подсистемы сменялось открытым принуждением к ее пересмотру под диктовку Германии. Ревизия Батумских договоров осуществлялась на практике и до 27 августа: в виде постепенного наращивания германского влияния на основе грузинского плацдарма. Важным проявлением этого был повторный визит Кресса в Эривань (и к католикосу в Эчмиадзин) 30–31 августа. На этот раз он взял с собой Халила-пашу, что (якобы) должно было доказать тому, сколь чудовищное гуманитарное положение складывается из-за турецкого давления на Армянскую республику. Турецкий командующий изобразил видимость прозрения и готовность разрешить кризис, что вызвало у Кресса неоправданные иллюзии и готовность к новым компромиссам с османами¹⁸. Однако до сих пор давление на османскую экспансию с севера компенсировалось не только частичным содействием Германии Порте ради наступления в Персии, от чего ожидали смены общего вектора экспансии, но и явным ослаблением в регионе позиций Советской России, оказавшейся на грани потери остатков влияния. Британцы слишком долго не могли надежно закрепиться хотя бы в Гиляне, а их высадка в Баку в лучшем случае отложила его взятие турками, что к концу августа было очевидно и в первую очередь — самому Данстервилю¹⁹.

В начале сентября Кресс вновь подводил промежуточные итоги своей деятельности в Закавказье и давал оценку перспективам экспансии Центральных держав в целом. Он неустанно пытался заверить центральные инстанции в том, что османские лидеры ведут двойную игру, что они и не думают о заявленном отвоевании Багдада или экспансии в северной Персии, что взятые в Добавочном договоре обязательства (о тайных нотах он не знал) едва ли могут быть выполнены Германией без громадного ущерба для ее позиций, репутации и местных лояльных ей сил, включая немцев-колонистов²⁰. Хинтце, обладая совершенно иным уровнем оценки положения, был иного мнения, однако главной проблемой оставалось навязывание новой редакции всей Брестской системы всем союзникам и сателлитам Германии, от Финляндии до Порты, а потому судьба Баку его интересовала в контексте предстоящих дискуссий с великим визирем. Предстояло покончить с надеждами младотурок на признание (в любой форме) всех Батумских договоров, обозначив пределы возможного для османов в Закавказье и тем более в сопредельных регионах, а также условия германской поддержки любых дальнейших действий в Азербайджане и на Северном Кавказе. Масштабы локальных конфликтов и сомнительная лояльность местных повстанцев что грузинским, что казачьим, что любым другим властям становились все более

¹⁷ См.: *Ватлин А.Ю., Ланник Л.В.* Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230. И советский, и германские подписанты договора и нот (Июффе, Криге и Хинтце) не раз в ответ на запросы повторяли распоряжение о сохранении нот в строгом секрете, не считая тех, кто будет прямо задействован в их реализации.

¹⁸ Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 670–676; *Paraquin E.* Op. cit. Bl. 157–162.

¹⁹ Это хорошо просматривается по советскому изданию его мемуаров: *Денстервиль*. Британский империализм в Баку и Персии 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

²⁰ Friedrich Freiherr Krefß von Kressenstein. S. 664–670, 676–682.

очевидными²¹. Попытки несогласованной экспансии пресекались, навязывались территориальные компромиссы между новыми государствами и Портой, насколько это вообще было в сфере досягаемости германских военных и дипломатов.

В эти же дни после длительного периода скрытого накопления протурецких сил в Абхазии активизировались германские войска, заставившие вывезти всех «дезертиров» из региона на османскую территорию и занявшие прибрежную полосу до Адлера. Отвлекающий маневр турок мог вызвать и более жесткую реакцию Кресса, если бы в те же дни не оформилась новая угроза Грузии. 31 августа — 1 сентября пробывавшийся с боями по Черноморской губернии «Железный поток» из остатков Таманской армии красных разбил грузинские войска в Туапсе и мог двинуться далее на юг, однако вскоре свернул в горы, уходя от преследовавших его войск Добровольческой армии. 8 сентября в Туапсе вступили белые, которые продолжили не только преследование красных, но и наступление на юг, так что вскоре вплотную встал вопрос о взаимоотношениях тифлисского правительства уже не с РСФСР, почти готовой неофициально признать Грузию *de facto*, а с «единой и неделимой» генерала Алексеева, продолжавшей решаящие бои за овладение всем Северным Кавказом. Это почти сразу перечеркнуло сформировавшееся у Кресса к 9 сентября мнение о важности раздела потенциальной территории к северу от Кавказа на западную германскую и восточную османскую (Чечня и Дагестан) сферы влияния. Теперь предстояла схватка с вызывавшим более уважения и симпатии претендентом, Добровольческой армией и ее союзниками, что усложняло включение региона в пространство Брестской системы.

В Берлине в это время дождались официальной ратификации Добавочного договора обеими сторонами (6 сентября) и перешли к решающей стадии конвергенции создавшегося к тому моменту в Закавказье положения с Брестской системой, что требовало решения и других причерноморских проблем внутри Четверного союза. 10 сентября на полях начавшихся 7 сентября консультаций Талаата-паши с П. фон Хинтце, военным атташе Германии в Турции генералом О. фон Лоссовым и рядом других дипломатов османская сторона в особом меморандуме увязывала готовность Турции к компромиссу с Болгарией по границам во Фракии с признанием Кайзеррейхом всех закавказских государств и их установленных (т.е. Батумскими договорами) границ²². Порта еще позволяла себе торговаться и лавировать, надеясь использовать взаимные претензии Грузии и Армении в спорах вокруг Ахалциха и Ахалкалаков, но и не думала отказываться от экспансии на Каспии, заявляя, что без Баку создание Азербайджана невозможно. В начале сентября наступил краткий период почти парадоксальной попытки взаимодействия эриванского и младотурецкого правительств на основе надежд на территориальный компромисс. В Армении это полагали первым шагом к ревизии Батумского договора, а Порта считала важнейшим средством парирования усилий Берлина и Вены расширить их зону влияния в Закавказье под гуманитарным предлогом. Важными козырями младотурок были и старые связи с дашнаками (времен Абдул-Хамида II), и то, что пока только Османская империя признавала Армению и Грузию без оговорок. В Тифлисе и Ереване уже действовали послы Порты Абдул-Керим-паша и Мехмед-Али-паша. Талаат, пытаясь уклониться от главного обвинения со стороны союзников в ненасытной экспансии против христианских государств Закавказья, теперь выставлял себя чуть ли не ходатаем за их интересы в Берлине! Великий визирь откровенно заявлял, что его берлинская миссия увенчается или полным признанием Германией всех закавказских государств, или его уходом в отставку.

В те же дни германская дипломатия куда более была озабочена отчаянными попытками предотвратить сепаратное обращение Австро-Венгрии (нота графа И. фон Буриана

²¹ На примере Черноморской губернии их показал: *Воронович Н.* Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53—183, 321—334.

²² См. текст, а также комментарии «русского отдела» АА (Р. Надольны) к меморандуму, свидетельствующие о неготовности Германии принимать подобную базу для компромисса даже частично. 12 сентября последовал новый, более точный, меморандум, пока без особенных отличий от прежней позиции: РА АА. RZ 201/11073/216—229.

от 14 сентября) к воюющим державам с предложением о перемирии и начале переговоров без предварительных условий. В этом справедливо усматривали не только первый шаг к капитуляции, которая неизбежно стала бы безоговорочной, но и крах с таким трудом выстроенных под давлением германской Ставки жестких союзнических обязательств в рамках Четверного союза²³. Одним из вариантов потакания амбициям Вены были попытки заинтересовать ее в более активной экспансии в Закавказье, выделив необходимые для флота опорные пункты²⁴, предоставлением ей протектората над Арменией и обещаниями доли в поставках нефти из Баку, когда он окажется под германским контролем. Это должно было пресечь попытки совместной борьбы Порты и двудеиной монархии против все более жесткого контроля над ними из Spa и Берлина²⁵, что добавило бы поводов для конфликта между двумя ослабевшими империями, которые далеко не сразу преодолели последствия аннексии Боснии в 1908–1909 гг. Постоянно поступавшие предложения насчет присутствия в Армении вызвали определенный интерес у габсбургских элит, в том числе благодаря клерикальному оттенку миссии по защите «католических» стран (за которые порой выдавали не только Армению, но даже Грузию), на чем настаивал Святой Престол. Оккупация Одессы, Николаева и Мариуполя создавала лестную для Вены видимость того, что и Австро-Венгрия является черноморской державой, что ее мнение будет много значить на постоянно откладывавшейся конференции в Константинополе. Однако ни малейших шансов на хотя бы начало подобных усилий не было, ведь отсутствовали даже символические силы, которые можно было бы направить в Закавказье²⁶. В течение августа в габсбургской Ставке еще обсуждали теоретическую возможность отправить два-три или четыре батальона в Армению, о чем просили и армянские представители в Берлине²⁷. Эриванское правительство даже выражало готовность арестовать Андраника и других «provokatorov» конфликтов при гарантиях возвращения им Лори и Памбака, передачи большей части Карабаха и защите хотя бы символическим австро-венгерским гарнизоном. Но к началу сентября и такой контингент невозможно было выделить ни из резко сократившейся Восточной армии, с трудом поддерживавшей видимость оккупации трех украинских губерний, ни из очень скромных сил Дунайской монархии в Румынии, а тем более из состава уже приближавшихся к краху Салоникском и турецких фронтах в Палестине и Месопотамии. Никаких даже предварительных обязательств перед Арменией габсбургские эмиссары так и не приняли, успешно уклоняясь от конкретных вопросов.

Время работало против Центральных держав, их лидер до сих пор не обеспечил последующих шагов по экспансии в Закавказье. Для любых проектов имперской экспансии регионального уровня, подготавливаемой Крессом операции против Баку, и более крупного масштаба тяжелейшей проблемой оставалась инфраструктурная. С наступлением к Каспию и в обход него коммуникации Центральных держав постоянно удлинялись, а железнодорожная сеть была не только недостаточна, но все менее работоспособна, особенно

²³ Эта тема до сих пор разработана в историографии лишь частично, особенно относительно кампании 1918 г.: Müller M. Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegsführung. Das Deutsche Reich und Österreich-Ungarn in der Offensive 1917–1918. Eine Clausewitz-Studie. Graz, 2003; Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав / под ред. И.Н. Новиковой, Н.А. Власова. СПб., 2014.

²⁴ Структуру контроля Центральных держав над всей черноморской акваторией см.: Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020. Прил.

²⁵ Активным борцом с германским гегемонизмом был представитель Австро-Венгрии в Константинополе: Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.

²⁶ Некоторым паллиативом было бы формирование аналогичного германскому батальона из скопившихся в Закавказье австро-венгерских пленных. См.: Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmächte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Köln; Weimar, 1992. S. 169.

²⁷ Bihl W. Op. cit. S. 173–175.

быстро деградируя в османской зоне контроля. Основной сложнейшей задачей для про-британских и советских вооруженных сил с учетом положения на фронтах становилось господство в каспийской акватории, для чего не хватало ни тоннажа, ни судоремонтной базы, ни экипажей, ни возможностей быстро доставить все необходимое²⁸. Эту проблеме пытались решить, причем с конца сентября этим занялась и германская сторона²⁹, однако каждая из трех империй могла добиться ощутимых результатов только в течение нескольких месяцев и то при благоприятных обстоятельствах.

Накануне новой флуктуации в системе расстановки сил основных имперских претендентов в борьбе за регион продолжала меняться. Начавшаяся с символического присутствия в 1,6 тыс. военных (к концу июня 1918 г.) германская группировка в Грузии к 20 августа, т.е. к началу резкого усиления кайзеровских войск для будущей операции по взятию Баку, выросла до 5,2 тыс. Уже к 15 сентября с высадкой дополнительных сил она достигла 20 тыс., включая местные силы из вооруженных немцев-колонистов. Формирование такой численности оказалось почти невозможно снабжать и разместить, а потому о дальнейшем наращивании сил не могло быть и речи³⁰. Быстро перебросить всю эту группировку было невозможно: часть ее была необходима для поддержания порядка внутри Грузии. Планы Кресса по формированию крупной (до 40 тыс. человек) грузинской армии лишь недавно вступили в фазу реализации, а крупные поставки вооружения из Германии еще не обеспечивали достижения военной дееспособности Грузии³¹. Для операции по захвату нефтепромыслов и последующего контроля за предполагаемой территорией Азербайджана было необходимо не менее одной смешанной (12 тыс. бойцов) германской дивизии, не считая войск, что остались бы поддерживать власть грузинского правительства. Транспорт был неэффективен, а единственная (несмотря на планы по строительству дороги через Шемаху) железнодорожная ветка из Тифлиса к нефтепромыслам целиком занята удовлетворением нужд Исламской армии.

Срок возможного взятия Баку — даже при учете информации о небольших силах британцев и Центрочаспия — Кресс в середине сентября оценивал в четыре–пять недель. В этом пока что заключался пик военных возможностей Германии в регионе, достигнутый еще до начала крушения периферийных фронтов Центральных держав. Взятие Баку означало важнейшую, но далеко не конечную цель в общем контексте формирования германской зоны влияния в Закавказье. При решении хотя бы минимальных организационно-технических проблем именно отсюда намерены были протянуть каналы воздействия и информации не только в Туркестан, но и в Восточную Азию. Кайзеровские эмиссары были заинтересованы вовсе не в дальнейшем оформлении Азербайджана или территориальном расширении Грузии, а в стабилизации под своим контролем всего макрорегиона, а потому оказывались в противоречии едва ли не со всеми прочими участниками его трансформации. Баку становился целью значительно важнее Тегерана или Багдада, однако на осознание этого центральными ведомствами или даже германскими эмиссарами в Константинополе (особенно не одобрявшим кавказские проекты вообще послом графом И. фон Бернсторфом) не хватило времени.

²⁸ См., например: *Лишин Н.Н.* На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938; Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. Баку, 1971.

²⁹ См. о германском проекте создания ВМС на Каспии: *Baumgart W.* Das “Kaspi-Unternehmen”... Нф. I. S. 47–126; Нф. 2. S. 231–278.

³⁰ Хотя переброски войск из Севастополя продолжались, Кресс категорически возражал против этого, требуя паузы в транспортировке. Координировавший переброски А. Хопман имел иное мнение: *Hopman A.* Bericht, 13. August // Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971. S. 557ff. Anm. 432, 434.

³¹ Современная грузинская историография, разумеется, всемерно подчеркивает успехи германо-грузинского взаимодействия, последовавшие якобы почти немедленно: *Astamadze G.* Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhängigkeit und das deutsch-georgische Bündnis im Südkaukasus. Paderborn, 2022.

Несмотря на наметившийся перелом в кампании 1918 г. в Гражданской войне в России на Восточном фронте, до восстановления прочного контроля над берегами Волги РККА было в середине сентября далеко, и прогнозировать сроки такого варианта пока затруднялись даже в высших советских инстанциях. В связи с этим возможные переброски войск в Баку могли быть лишь крайне ограниченными, доведя численность большевистских сил до нескольких тысяч человек и только в случае нового компромисса с Центрокаспием или хотя бы с дашнаками. Конфликт Совнаркома с Антантой нарастал из-за ее интервенции сразу в нескольких регионах. Перспектива восстановления власти большевиков на нефтепромыслах была неочевидна, хотя в Москве надеялись именно на это. В середине сентября продолжалась очень тяжелая (и в итоге неудачная) для РККА схватка за Северный Кавказ, окончательное поражение в которой красных было еще не предрешено, но было вероятно. Оно привело бы к краху любых надежд на более активное вмешательство в судьбу Закавказья, нежели поддержка местного подполья и повстанцев.

К этому же моменту достигла локального максимума возможностей и Исламская армия. Она по-прежнему была не в состоянии вести наступление одновременно против армянских дружин в Карабахе и против Баку. Отвод войск за указанные в Добавочном договоре линии³² был неприемлем, хотя бы из-за крайне нездоровой местности (малярия), выделенной под размещение Исламской армии. Дополнительных сил, помимо резко сократившихся османских «дивизий», было взять неоткуда, да и организовать снабжение более крупной группировки в окрестностях Баку было фактически невозможно. Лояльность азербайджанского населения и правительства хана Хойского уже подвергалась немалому испытанию из-за последствий османской оккупации Елизаветпольской и Бакинской губерний³³. При этом задачи перед Нури-пашой ставились самые широкие, включая будущее вторжение в Дагестан и налаживание связи с проосманскими силами в Туркестане³⁴. Младотурецкие лидеры осознавали все минусы участия крупного германского контингента в возможном взятии Баку и понимали, что время для самостоятельных действий истекает. Вполне возможным казалось и постепенное усиление британского контингента в Баку, особенно с учетом успехов английского влияния в Закаспии³⁵ и полного господства союзных британцам ВМС в акватории.

Сильнейшие опасения советского и османского командования, а также смутные подозрения в германских инстанциях были не оправданы: реальных возможностей для значительного укрепления британского контингента в Баку в ближайшей перспективе не существовало. Дополнительных сил не выделялось, ведь приоритет отдавался предстоящему вскоре наступлению в Палестине и Месопотамии³⁶. Отношения Данстервиля с его российскими союзниками, в том числе с Бичераховым, осложнялись, да и население Баку, не дождавшись снятия осады Исламской армией и решения основных проблем, особенно продовольственной, вновь стало выказывать симпатии большевикам. Всей остроты

³² См. текст 14-й статьи договора: Советско-германские отношения от Октябрьской революции до заключения Рапалльского договора: в 2-х т. Т. 1. От Октябрьской революции до конца 1918 г. М., 1968. С. 612.

³³ Это подчеркивалось советской историографией в соответствующем подборе документов: Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957. Современная азербайджанская историография данной темы избегает, представляя османскую оккупацию исключительно освободительным походом см.: Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998.

³⁴ Талаат сделал эффектные заявления о миллионах мусульман, жаждающих вступить под власть султана и взять оружие ради победы Центральных держав: PA AA. RZ 201/11073/200-234; Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013. S. 158–167.

³⁵ См.: Лурия А.А. Туркестанский плацдарм 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

³⁶ См.: The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922.

ситуации и дефицита сил британское командование в Месопотамии и курировавший британское влияние в Закаспии генерал Маллесон³⁷, по-видимому, не осознавали. Схватка за контроль над персидским Азербайджаном и Гиляном была далека от завершения, так что возникали опасения, что условно проосманские силы (Кучек-хан) вскоре могут пойти на штурм Энзели³⁸, что покончит с любыми бакинскими проектами англичан.

Таким образом, в середине сентября возникало впечатление равновесия сил, выходом из которого мог быть только альянс хотя бы двух империй (из четырех) против любой другой при нейтралитете оставшейся. Некоторые из возможных вариантов в текущей обстановке были исключены: например большевистско-британский альянс³⁹ против турок (и немцев), хотя подозрения в этом (и не беспочвенные) возникали постоянно. Еще более невероятным предстал сговор между Советской Россией и Турцией, балансирующей на грани войны *de facto*, что стало очевидно в ближайшее время. Далеко не очевидным был вариант германо-турецкого взаимодействия, несмотря на формальный союз двух стран. Обе державы Четверного союза прилагали усилия к тому, чтобы парировать воздействие друг друга, и по возможности полностью, чтобы единолично распоряжаться ресурсами Баку. Однако цели Германии были сырьевыми и военно-оперативными, а Османской империи в первую очередь политическими и даже идеологическими. Значительно более вероятным, хотя и ни в коей мере не официальным, становилось взаимодействие пробольшевистских сил (как локальных, так и на базе Астрахани⁴⁰) с германскими войсками в случае наступления последних. Сравнительно успешная имплементация Добавочного договора к середине сентября была несомненна (выплата первого транша золотом, разблокирование ряда взаимовыгодных переговоров, резкое снижение военной напряженности под Петроградом и т.д.), поэтому выполнения тайных нот Москва и Берлин ожидали друг от друга со всей уверенностью, причем особенно заинтересованы в этом были в Совнаркоме. Условия тайных нот были таковы, что по ряду параметров их можно считать тайным «дисконтом» со стороны Германии к общему балансу базовой сделки с РСФСР в виде Добавочного договора. Позиции Германии и РСФСР сближал и общий страх перед возможным уничтожением нефтепромыслов британцами в случае затяжных боев за Баку в ходе новых неумелых попыток Исламской армии. Раньше чудовищными диверсиями (не считая и без того драматического падения производства)⁴¹ угрожали Кайзеррейху сами большевики (вне зависимости от реальных к тому возможностей). Теперь опасались повторения «румынского сценария»: т.е. осуществленного именно британцами в конце 1916 г. масштабного уничтожения нефтепромыслов перед оккупацией Валахии Центральными державами.

В такой стратегической обстановке состоялся апофеоз османского проекта на основе Батумской подсистемы: 14–15 сентября Исламская армия одержала неожиданную для всех (кроме находившихся в ее рядах турецких и германских офицеров) и сравнительно легкую победу, ликвидировав власть Центрокаспия и без особенного труда изгнав его британских покровителей. Ожесточенного боя Данстервиль (а тем более Бичерахов) не принял. Ожидаемые мощные погромы в городе бегству недавних «спасителей»

³⁷ См., подробнее: *Zürner W. Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380; Сергеев Е.Ю. Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 122–134.*

³⁸ См., подробнее: *Zürner W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.*

³⁹ Его исключал по меньшей мере «заговор Локкарта», детальная реконструкция которого продолжает быть предметом различных предположений: *Шницер Д. Заговор Локкарта. Любовь, предательство, убийство и контрреволюция в России времен Ленина / пер. с англ. С. Мороз. СПб., 2022.*

⁴⁰ К сожалению, это геополитическое значение Астрахани недооценивалось советской историографией, хотя три разгромленных восстания в городе давали достаточно материала для подчеркивания этой проблемы. Современная историография проблемы невелика: *Шейн О.В. Астраханский край в годы революции и Гражданской войны (1917–1919). М., 2018.*

⁴¹ См. подробнее: *Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999.*

не помешали. Британский плацдарм в Баку так и остался эпизодом периода вакуума власти, быстро приобретаемым и столь же легко утрачиваемым. Фактом, весьма характерным для так и не упорядоченной структуры воздействия имперских участников, стало то, что благодаря информационному дефициту (или с его помощью?) и на основе неверной оценки манеры действий османского союзника решающий вклад во взятие города внесли германские генштабисты (Паракен и Майр), хотя в это же время их прямое начальство предпринимало все усилия, чтобы поставить все будущие операции против Баку под свой контроль и провести их только после прибытия значительных кайзеровских континентов⁴². Османскому генералитету вновь удалось воспользоваться необходимой военно-технической помощью Кайзеррейха для целей, строго противоречивших намерениям последнего.

Известия о взятии Баку и поражении британцев стали полной неожиданностью для всех основных участников схватки за контроль над Закавказьем. Они вызвали очередную, но крайне непродолжительную флуктуацию в общей тенденции встраивания Батумской подсистемы в Брестскую систему международных отношений, т.е. помешали неуклонному блокированию османской экспансии и субъектной внешней политики Порты вообще, даже в том регионе, что пока оставался недосыгаемым для крупных силовых акций великих держав. Назревавший крах периферийных фронтов Четверного союза оказался лишь немного оттенен последней османской победой в Великой войне. Взятие Баку имело важное символическое значение, сыграло важнейшую роль в становлении азербайджанской государственности, но с точки зрения системных процессов представляло собой эпизод, логически завершавший прежний этап, но не способный заложить фундамент поступательного развития османской гегемонии в регионе. Последующие усилия Нури-паши по наступлению в Дагестане демонстрируют полный отрыв преследуемых целей от реально имевшихся в его распоряжении возможностей. Действительно настойчивые усилия лидеров эфемерной Горской республики по получению германо-османской военной помощи в любых видах⁴³ этой оценки не меняют.

Сворачивание самостоятельного османского проекта, направленного в сторону Каспийского моря и за него, было неизбежно еще с начала августа. Однако согласование его компромиссной ликвидации под управлением Берлина, оставившей Турции шансы на крупные территориальные приобретения, затянулось до момента, когда начался демонтаж — почти одновременно с Батумской подсистемой — и коалиции Центральных держав, и всей Брестской системы. Последняя, являясь масштабной попыткой переустройства Восточной Европы и Ближнего Востока без учета интересов Антанты и вопреки ее противодействию, была не способна пережить разгром Четверного союза, даже если бы его удалось затянуть на главных европейских фронтах, «отделавшись» сворачиванием далекой периферии. Любым расчетам на боевую ничью по итогам Великой войны пришел конец не позже 19 сентября, когда началось крушение турецких фронтов в Палестине и Месопотамии. По иронии судьбы в эти же часы назревала кульминация дипломатической борьбы вокруг определения статуса Баку в рамках упростившегося — до трех держав — межимперского компромисса.

Библиография / References

Азербайджанская Демократическая Республика (1918–1920). Армия (документы и материалы). Баку, 1998.

Безугольный А.Ю. Генерал Бичерахов и его Кавказская армия. 1917–1919. М., 2011.

⁴² Поэтому решающие указания поступили к Крессу с огромным опозданием, а сам он, несмотря на все усилия, смог довести их до германских офицеров в Исламской армии только после взятия Баку: Friedrich Freiherr Kref von Kressenstein. S. 679–682, 719–720; *Paraquin E.* Op. cit. Bl. 197–204.

⁴³ Дипломатическая переписка лидеров активно публикуется, например: Гайдар Баммат — известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.

Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане. Документы и материалы 1917–1918 гг. / под ред. З.И. Ибрагимова и др. Баку, 1957.

Брестский мир: пролог, заключение, итоги. Сб. док. / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. М., 2022.

Ватлин А.Ю., Ланник Л.В. Тайные ноты к Добавочному договору 27 августа 1918 г.: неизвестный сюжет из истории советско-германских отношений на исходе Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2021. № 5. С. 208–230.

Военные моряки в борьбе за власть Советов в Азербайджане и Прикаспии. Баку, 1971.

Воронович Н. Меж двух огней (записки зеленого) // Архив русской революции. Т. 7. Берлин, 1922. С. 53–183.

Гайдар Баммат – известный и неизвестный. Сб. документов и материалов / сост. Х.М. Доного. Баку, 2015.

Денстервиль. Британский империализм в Баку и Персии. 1917–1918. Воспоминания / пер. Б. Руденко. Тифлис, 1925.

Иголкин А.А. Отечественная нефтяная промышленность в 1917–1920 гг. М., 1999.

Ланник Л.В. После Российской империи: германская оккупация 1918 г. СПб., 2020.

Лишин Н.Н. На Каспийском море. Год Белой борьбы. Прага, 1938.

Маилан Б.В. Между Грузией и Турцией: особенности ирредентизма на примере Аджарии и Самцхе-Месхетии (1918–1921 гг.) // Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ. М., 2015. С. 129–161.

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема как пространство османской гегемонии в Закавказье: к постановке проблемы // Новая и новейшая история. 2021. № 3. С. 5–22.

Мирзеханов В.С., Ланник Л.В. Батумская подсистема международных отношений: проблемы становления и межимперской конкуренции, июнь–август 1918 г. // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 5–28.

Россия в стратегии Первой мировой войны. Кн. 2. Россия в стратегии Центральных держав / под ред. И.Н. Новиковой, Н.А. Власова. СПб., 2014.

Сергеев Е.Ю. Большевики и англичане. Советско-британские отношения: от интервенции к признанию, 1918–1924. СПб., 2019.

Сергеев Е.Ю. Центральная Азия в советской и британской стратегии в 1918 году // Новая и новейшая история. 2022. № 1. С. 122–134.

Токаржевский Е.А. Бакинские большевики – организаторы борьбы против турецко-германских и английских интервентов в Азербайджане в 1918 г. Баку, 1949.

Улуян А.А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922. Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М., 2019.

Шеин О.В. Астраханский край в годы революции и Гражданской войны (1917–1919). М., 2018.

Шнир Д. Заговор Локкарта. Любовь, предательство, убийство и контрреволюция в России времен Ленина / пер. с англ. С. Мороз. СПб., 2022.

Azerbajdzhanskaja Demokratičeskaja Respublika (1918–1920). Armija (dokumenty i materialy) [Azerbaijan Democratic Republic (1918–1920). Army (documents and materials)]. Baku, 1998. (In Russ.)

Bezugol'nyj A.Ju. General Bicherahov i ego Kavkazskaja armija [General Bicherakhov and his Caucasian Army] 1917–1919. Moskva, 2011. (In Russ.)

Bol'sheviki v bor'be za pobedu socialističeskoj revoljucii v Azerbajdzhane. Dokumenty i materialy 1917–1918 gg. [Bolsheviks in the struggle for the victory of the socialist revolution in Azerbaijan. Documents and materials of 1917–1918] / pod red. Z.I. Ibragimov et al. Baku, 1957. (In Russ.)

Brestskij mir: prolog, zaključenije, itogi: sbornik dokumentov [Brest World: prologue, conclusion, results: collection of documents] / отв. сост. А.В. Репников; сост. А.В. Борисова; пред., комм., прим., указ. Л.В. Ланника, А.В. Репникова, при участии Б.С. Котова. Moskva, 2022. (In Russ.)

Denstervil'. Britanskij imperializm v Baku i Persii 1917–1918. Vospominanija [British Imperialism in Baku and Persia 1917–1918. Memoirs] / per. B. Rudenko. Tiflis, 1925. (In Russ.)

Gajdar Bammatt – izvestnyj i neizvestnyj. Sb. dokumentov i materialov [Gaidar Bammatt – known and unknown. Sat. documents and materials] / sost. H.M. Donogo. Baku, 2015. (In Russ.)

Igolkin A.A. Otečestvennaja neftjanaja promyšlennost' v 1917–1920 gg. [The domestic oil industry in 1917–1920]. Moskva, 1999. (In Russ.)

Lannik L.V. Posle Rossijskoj imperii: Germanskaja okkupacija 1918 g. [After the Russian Empire: The German Occupation of 1918]. Sankt-Peterburg, 2020. (In Russ.)

Lishin N.N. Na Kaspijskom more. God Beloj bor'by [On the Caspian Sea. The Year of the White Struggle]. Praha, 1938. (In Russ.)

Mailjan B.V. Mezhdju Gruziej i Turciej: osobennosti irredentizma na primere Adzharii i Samche-Meshetii (1918–1921 gg.) [Between Georgia and Turkey: features of irredentism on the example of Adjara and

Samskhe-Meskhetia (1918–1921)] // *Istoricheskoe prostranstvo. Problemy istorii stran SNG* [Historical Space. Problems of the history of the CIS countries]. Moskva, 2015. S. 129–161. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Batumskaja podsystema kak prostranstvo osmanskoj gegemonii v Zakavkaz'e: k postanovke problemy [The Batumi subsystem as a space of Ottoman hegemony in Transcaucasia: towards the formulation of the problem] // *Novaja i novejšaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 3. S. 5–22. (In Russ.)

Mirzehanov V.S., Lannik L.V. Batumskaja podsystema mezhdunarodnyh odnoszenij: problemy stanovlenija i mezhimperskoj konkurencii, ijun'–avgust 1918 g. [The Batumi subsystem of international relations: problems of formation and inter–imperial competition, June–August 1918] // *Novaja i novejšaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 4. S. 5–28. (In Russ.)

Rossija v strategii Pervoj mirovoj vojny. Kn. 2. Rossija v strategii Central'nyh derzhav [Russia in the strategy of the First World War. T. 2. Russia in the Strategy of the Central Powers] / pod red. I.N. Novikova, N.A. Vlasova. Sankt-Peterburg, 2014. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Bol'sheviki i anglichane. Sovetsko-britanskije odnoszenija: ot intervencii k priznaniju [Bolsheviks and the British. Soviet-British Relations: from Intervention to Recognition], 1918–1924. Sankt-Peterburg, 2019. (In Russ.)

Sergeev E.Ju. Central'naja Azija v sovetskoj i britanskoj strategii v 1918 godu [Central Asia in Soviet and British strategy in 1918] // *Novaja i novejšaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2022. № 1. S. 122–134. (In Russ.)

Shein O.V. Astrahanskij kraj v gody revoljucii i Grazhdanskoj vojny [Astrakhan Region during the Revolution and Civil War] (1917–1919). Moskva, 2018. (In Russ.)

Shnir D. Zagovor Lokkarta. Ljubov', predateľ'stvo, ubijstvo i kontrrevoljucija v Rossii vremen Lenina [The Lockhart Conspiracy. Love, betrayal, murder and counterrevolution in Lenin's Russia] / per. s angl. S. Moroz. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)

Tokarzhevskij E.A. Bakinskije bol'sheviki – organizatory bor'by protiv turecko-germanskih i anglijskih interventov v Azerbajdzhanе v 1918 g. [Baku Bolsheviks – organizers of the struggle against the Turkish-German and British interventionists in Azerbaijan in 1918]. Baku, 1949. (In Russ.)

Ulunjan A.A. Turkestanskij placdarm 1917–1922. Britanskoe razvedyvatel'noe soobshhestvo i britanskoe pravitel'stvo [Turkestan bridgehead 1917–1922. The British Intelligence community and the British Government]. Moskva, 2019. (In Russ.)

Vatlin A.Ju., Lannik L.V. Tajnye noty k Dobavochnomu dogovoru 27 avgusta 1918 g.: neizvestnyj szuzhet iz istorii sovetsko-germanskih odnoszenij na ishode Pervoj mirovoj vojny [Secret notes to the Supplementary Agreement of August 27, 1918: an unknown plot from the history of Soviet-German relations at the end of the First World War] // *Novaja i novejšaja istorija* [Modern and Contemporary History]. 2021. № 5. S. 208–230. (In Russ.)

Voennye morjaki v bor'be za vlast' Sovetov v Azerbajdzhanе i Prikaspii [Sailors in the struggle for Soviet power in Azerbaijan and the Caspian region]. Baku, 1971. (In Russ.)

Voronovich N. Mezhdvuh ognеj (zapiski zelenogo) [Between two fires (notes of the green)] // Arhiv russkoj revoljucii [Archive of the Russian revolution]. T. 7. Berlin, 1922. S. 53–183. (In Russ.)

Astamadze G. Deutsch-georgische Zusammenarbeit 1918: Georgiens Unabhangigkeit und das deutsch-georgische Bundnis im Sudkaukasus. Paderborn, 2022.

Baumgart W. Das “Kaspi-Unternehmen” – Groenwahn Ludendorffs oder Routineplanung des deutschen Generalstabs? 2 Tle. // JfGO. 1971. Bd. 18. Hf. 1. S. 47–126; Hf. 2. S. 231–278.

Baumgart W. Die “geschaftliche Behandlung” des Berliner Erganzungsvertrags vom 27. August 1918. Eine Episode der deutschen Verfassungsgeschichte. Historisches Jahrbuch fur den Kreis Herford. Bd. 89 (1969). S. 116–152.

Bihl W. Die Kaukasus-Politik der Mittelmachte. Teil II. Die Zeit der versuchten kaukasischen Staatlichkeit (1917–1918). Wien; Koln; Weimar, 1992.

Friedrich Freiherr Kre von Kressenstein: Bayerischer General und Orientkenner. Lebenserinnerungen, Tagebucher und Berichte 1914–1946 / Hrsg. von W. Baumgart. Paderborn, 2020.

Horicka V. Die osterreichisch-ungarische Politik gegenuber Sowjetruland im Sommer und Herbst 1918. Die Mission des Generalkonsuls Georg de Pottere in Moskau // osterreichische Osthefte. 2004. Hf. 4. S. 485–514.

Jaschke G. Der Turanismus der Jungturken. Zur osmanischen Auenpolitik im Weltkrieg // Die Welt des Islams. 1941. Bd. 23. Hf. 1–2. S. 1–54.

Kreutzer M.S. Dschihad fur den deutschen Kaiser. Max von Oppenheim und die Neuordnung des Orients (1914–1918). Graz, 2012.

Krug S. Die “Nachrichtenstelle fur den Orient” im Kontext globaler Verflechtungen (1914–1921). Strukturen – Akteure – Diskurse. Bielefeld, 2020.

Mark R.A. Krieg an fernen Fronten. Die Deutschen in Russisch-Turkestan und am Hindukusch 1914–1924. Paderborn u.a., 2013.

Muller M. Vernichtungsgedanke und Koalitionskriegsfuhrung. Das Deutsche Reich und osterreich-Ungarn in der Offensive 1917–1918. Eine Clausewitz-Studie. Graz, 2003.

Paraquin E. Erinnerungen aus dem Nahen Orient 1917/18. [s.l., s.a.].

Paul von Hintze: Marineoffizier, Diplomat, Staatssekretär; Dokumente einer Karriere zwischen Militär und Politik, 1903–1918 / Engl. und Hrsg. von J. Hürter. München, 1998.

Rabenau F.v., Seeckt H.v. Aus seinem Leben. (Bd. 2). Leipzig, 1940.

The Diaries of General Lionel Dunsterville 1911–1922 // URL: http://www.gwpda.org/Dunsterville/Dunsterville_main.html (access date: 01.06.2022).

Von Brest-Litovsk zur deutschen Novemberrevolution. Aus den Tagebüchern, Briefen und Aufzeichnungen von Alfons Paquet, Wilhelm Groener und Albert Hopman, März bis November 1918 / Hrsg. von W. Baumgart. Göttingen, 1971.

Will A. Der Gegenspieler im Hintergrund: Josef Pomiankowski und die antideutsche Orientpolitik Österreich-Ungarns 1914–1918 // Erster Weltkrieg und Dschihad. Die Deutschen und die Revolutionierung des Orients / Hrsg. von W. Loth, M. Hanisch. München, 2014. S. 193–214.

Will A. Kein Griff nach der Weltmacht. Geheime Dienste und Propaganda im deutsch-österreichisch-türkischen Bündnis. Köln, 2012.

Zürrer W. Die britische Intervention in Transkaspien 1918/1919 // JfGO. 1975. Bd. 23. Hf. 3. S. 344–380.

Zürrer W. Persien zwischen England und Rußland 1918–1925. Großmachteneinflüsse und nationaler Wiederaufstieg am Beispiel des Iran. Bern; Frankfurt a.M.; Las Vegas, 1978.